

Вырезка из газеты

КОМСОМОЛЬСКАЯ
ПРАВДА

г. Москва

4 ФЕВ 1984

...так: в середине тридцатых годов, отдыхая в санатории под Ленинградом, писатель стал свидетелем спора между почтенным профессором и молодым ученым. Спорили о романе Николая Островского «Как закалялась сталь». Молодой ученый горячо отстаивал любимую книгу. Познакомились.

«Это был человек, — напишет тридцать лет спустя Каверин, — в котором горячность соединялась с прямодушным, а упорство — с удивительной определенностью цели. Он умел добиваться успеха в любом деле. Ясный ум и способность к глубокому чувству были видны в каждом его суждении». В течение шести вечеров молодой человек рассказывал писателю историю своей жизни. Вернувшись домой, Каверин тут же сел за работу и закончил ее в три месяца. Рукопись романа была отправлена в один из московских журналов и... возвращена с вежливым отказом.

Роман назывался емко и непритязательно — «Два капитана».

— И справедливо вернуть, — вспоминает Вениамин Александрович. — История мальчика-беспризорника, который стал кандидатом наук, действительно в первой редакции осталась не более чем историей. Изложена она была сухо и скупо, авторское отношение к происходящему осталось за скобками. Впрочем, я, как правило, переписываю свои рукописи по два-три раза... Взялся за дело основательно. Встречался с известными полярниками, без чьей помощи роман никогда бы не был написан. Например, со спутником Седова художником и писателем Н. Пинегиним. Но война временно приостановила работу, научив меня трудиться в других жанрах. Писал для газет все, даже передовицы. Сборники военных рассказов, написанных на документальном материале, расходились миллионными тиражами. Мне было уже 40 лет, и, честно говоря, я уступал в мобильности другим корреспондентам. Тем не менее был военкором ТАСС в осажденном Ленинграде, стал свидетелем боев на Севере. Но использовал эти впечатления как литературный материал только через сорок лет: в прошлом году вышел мой роман о Северном флоте «Наука расставания».

— Почему столь велик перерыв между событиями и воплощением?

— Сейчас, когда, как никогда остро, над миром возникла угроза ядерной катастрофы, меня, как и всех людей, волнует необходимость сохранения мира. Мне хотелось, чтобы моя книга напомнила людям, чем грозит человечеству война.

— Следующему после «Двух капитанов» роману Вы отдали восемь лет...

— Да, «Открытая книга» писалась непросто. Тогдашняя критика давала мне достаточно оснований для того, чтобы ежедневно сомневаться в себе. А я и без того всегда глубоко не уверен в том, что пишу в меру моего дарования. Всегда кажется, что мог бы сделать сильнее. Только сочувствие Твардовского помогло мне закончить вторую часть трилогии — «Доктор Власенкова».

— Вениамин Александрович, Вы как-то сказали, что не взялись бы за «Открытую книгу», если бы ясно представляли, какие неожиданные загадки таит в себе «профес-

сиональный колорит», микро-биология, в частности...

— Над «специальным» фоном работаю в высшей степени тщательно. Если помните, я включил прямо в текст романа «Наука расставания» благодарность тем, кто помогал мне. Помощь этих людей, профессионалов своего дела, неоценима для меня. Так же, кстати, как помощь друзей.

— Вы не боитесь затрагивать самые разнообразные сферы человеческой деятельности...

— Сейчас пишу о верхолазах. Третьего дня был у меня

час даже больше, чем раньше. Хотя получается не более того же печатного листа в месяц. Благо, у меня замечательные, заботливые жена, дети...

— Вы встречались со многими незаурядными, прославленными людьми...

— И много писал о них. И в моих ближайших планах — мемуары. Это особый жанр, требующий занимательности, может быть, большей, чем роман, потому что сюжет мемуарной литературы — время. Погоня за ним должна быть умелой.

на в 1-м номере «Октября» за 1984 год. Это повесть, где главные действующие лица разыгрывают загадочную для старшего поколения драму. Рассказ ведется от имени пожилой учительницы. То, что для нее загадка, я надеюсь, будет разгадано моими читателями, и прежде всего педагогами.

— Как Вы оцениваете современную литературу?

— Она так разрослась, что наряду с бесспорными дарованиями есть много людей, которые считают себя писателями, хотя то, что они пишут,

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

Вениамин Каверин:

«ЖЕЛАЙТЕ ЛЮДЯМ ДОБРА»

в гостях молодой человек, в высшей степени образованный, интеллигентный. Работает он слесарем-монтажником на высотных работах, мечтает стать литератором. Не знаю, как ему, а мне наши беседы дают очень много. Главная особенность героя моего будущего романа, возможно, несколько «литературная», но я постараюсь выписать ее убедительно: он никогда не жлет, совсем, понимаете? С детства выработал в себе чувство необходимости непреложной правды. Исследование этого характера — цель моей работы, которая только начата. Впрочем, чем больше я работаю, тем яснее становится для меня, что тема — не по силам. Не уверен, что роман будет закончен.

— Вы очень часто обращаетесь к проблемам художественного творчества...

— По образованию я историк литературы. У меня немало работ, посвященных классической и современной литературе. Всегда любил и изучал искусство, в частности, живопись. Лучшей своей книгой считаю роман «Перед зеркалом». В этой работе я впервые — в 70 лет — понял свое, рассказывая о чужом. Книга посвящена мучительным поискам в живописи. Я скрестил их со своими поисками в литературе.

— Можно предположить, что Вы считаете произведения, построенные на воображении, менее значительными, чем те, что идут от личных привязанностей и опыта?

— Воображение отнюдь не менее важно, чем изучение материала. Недаром в «Науке расставания» мой герой сжигает свой неудавшийся роман: он знал то, о чем пишет, но не знал, как. Я хотел рассказать читателю, как трудно писать романы.

— Вижу, Вениамин Александрович, на Вашем письменном столе исписанные листы. Много ли Вы сейчас работаете? Помню Ваше высказывание о том, что никогда не писали больше одного печатного листа в месяц.

— Работаю ежедневно. Сей-

час 60 лет назад Вы писали: «...Только в сложной конкретности сюжета, построенного на мощных обобщениях современности, можно искать выхода из тупика...».

— Что касается «тупика», то это, конечно, перегиб юности, а что до сюжета, то считаю его роль в художественном произведении не менее значительной, чем тогда. Сюжет — оружие, воздух, которым мы дышим. Сюжет определяет и композицию, и характеры, и стилистическую манеру... Возвращаясь к мемуарам, скажу, что написал уже несколько книг воспоминаний. Последняя, «Письменный стол», будет напечатана в журнале «Октябрь». Я не собираюсь ограничиваться написанными воспоминаниями. Хочется напечатать книгу моих ответов на письма читателей и писателей, которые я почти ежедневно получаю уже много лет. Кажется, никто при жизни не решился опубликовать свои письма. Может быть, потому что это граничит с нескромностью, за которую я заранее прошу извинения. Хочу воспользоваться нашей встречей, чтобы попросить моих многочисленных корреспондентов, рассеянных от Батуми до Нарьян-Мара, прислать мне, если это возможно, копии моих писем. Разумеется, они должны быть связаны не с личными отношениями, а с литературными делами. Дело в том, что читатель, подчас сам того не подозревая, играет незаменимую роль в работе писателя. Когда читаете двести писем, это незаметно. Но когда сравниваешь письма 30-х годов с письмами 80-х, это дает бесценную возможность проследить развитие нашей литературы и нашей жизни.

— «Развитие нашей жизни», — сказали вы. Люди во времени меняются? Чем отличается поколение молодых 80-х годов от поколения, скажем, 20-х?

— Сам все время об этом думаю. Как профессиональный писатель попытался ответить на него повестью «Загадка», которая опубликована

напоминает разговор двух старух на завалинке, в котором нет ни складу, ни ладу. Паустовский предостерегал от многоречивости, и не случайно: порой просто тонешь в словах, фразах, абзацах, периодах... Нравится мне Распутин в лучших своих вещах. Белов. Нельзя не отметить первоклассную поэзию Тарковского, Чухонцева.

— Вы в юности стремились к своеобразию. Фантастика, отстранение — неприменный компонент Вашей ранней прозы. Считаете ли Вы, что «увлечения юности» так и остались увлечениями? Или искания тех лет, как и всякий опыт, оказались полезными для Вас, как для прозаика?

— «Наука» 20-х годов, думаю, сказала в том, что привила мне вкус к постоянному поиску в противовес литературным застою и рутине, непримемлемым для истинного художника. В середине 60-х годов я пришел к необходимости лаконизма.

— Вениамин Александрович, и последний вопрос, может быть, не вполне последовательно вытекающий из нашей беседы, но тем не менее, как мне кажется, тесно связанный с Вашим творчеством и Вашей личностью: что такое интеллигентность?

— Вопрос при кажущейся своей простоте не так прост. Но постараюсь ответить... Итак, интеллигентность — это чувство доверия к людям, желание добра, мужество, которое мне кажется неотъемлемым качеством современного человека. И еще — самообразование. Именно самообразование создало наших выдающихся писателей, начиная с Ломоносова и кончая Шукшиным. Конечно, школа нужна. Но хорошая школа. Разностороннее образование не может помешать. Мне в моей непростой жизни очень помогло образование, и я навсегда благодарен моим учителям, замечательным писателям и ученым 20-х годов.

Беседу вел
В. ГАЛАНТЕР.